

Е.С. Токарева*

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СССР В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОДНОЙ СУДЬБЫ: РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА

doi:10.31518/2618-9100-2025-3-5
УДК 930+322*Выходные данные для цитирования:**Токарева Е.С. История Католической церкви в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. сквозь призму одной судьбы: рассказ священника // Исторический курьер. 2025. № 3 (41). С. 66–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-05.pdf>*

E.S. Tokareva*

HISTORY OF THE CATHOLIC CHURCH IN THE USSR IN THE 1920S – EARLY 1930S THROUGH THE PRISM OF ONE FATE: A PRIEST'S STORY

doi:10.31518/2618-9100-2025-3-5

*How to cite:**Tokareva E.S. History of the Catholic Church in the USSR in the 1920s – Early 1930s Through the Prism of One Fate: A Priest's Story // Historical Courier, 2025, No. 3 (41), pp. 66–83. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-05.pdf>]*

Abstract. The 1920s were characterized by a gradual increase in the struggle against religion and the church in the USSR, and the methods of this struggle acquired increasingly harsh violent forms. However, most of the research on this topic is based mainly on official documents of the Soviet government. There are also a number of studies based on investigative cases, which allows us to reconstruct many biographies of priests who passed through Soviet forced labor camps or died as a result of repression. Researchers have repeatedly noted the insufficiency of so-called ego documents that would make it possible to highlight this topic from the point of view of the perception of those who were subjected to repression or witnessed it. The article introduces into scientific circulation a document relating to a small group of sources on the history of the Catholic Church in Russia, namely sources of personal origin. We are talking about the memories of a Catholic priest who served in the Kamenetsky diocese in 1920–1930. Who left the USSR in 1932 as part of the prisoner exchange between the USSR and Poland. Written for the information of higher hierarchs, the document is a living memoir of a direct witness to the events related to the anti-religious policy of the Soviet government in its reflection in the policy of regional authorities. From time to time, such documents reached the Vatican, as a rule, either through diplomatic channels or from those who managed to leave the USSR. The conclusions that were drawn, both in the Vatican and by the priests themselves in the country, obviously contradicted the events taking place. Since 1917, the Catholic Church, represented by its various representatives, continued to make plans for the conversion of the Russian population to Catholicism, being confident in the inevitability of the fall of the Bolshevik government and the compromise of the Orthodox Church. This is evidenced, among other things, by the document considered in this article.

Keywords: Catholic Church in Russia/USSR, anti-religious policy of the Soviet government, Catholic clergy in Western Ukraine, Soviet-Vatican relations.

The article has been received by the editor on 15.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгения Сергеевна Токарева**, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: estokareva@yandex.ru
Evgeniya Sergeevna Tokareva, Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: estokareva@yandex.ru

Аннотация. 1920-е гг. характеризовались постепенным нарастанием борьбы с религией и церковью в СССР, причем методы этой борьбы приобретали все более жесткие насильственные формы. В основе большинства исследований этой темы лежат главным образом официальные документы советской власти. Есть также ряд исследований, которые опираются на следственные дела, что позволяет восстановить биографии многих священников, прошедших советские исправительно-трудовые лагеря или погибших в результате репрессий. Исследователями неоднократно отмечалась нехватка так называемых эго-документов, позволивших бы осветить эту тему с точки зрения восприятия тех, кто подвергался репрессиям или был их свидетелем. В статье вводится в научный оборот документ, относящийся к малочисленной группе источников по истории Католической церкви в России, а именно к источникам личного происхождения. Речь идет о воспоминаниях католического священника, служившего в Каменецкой епархии в 1920–1930-х гг. XX в., выехавшего из СССР в 1932 г. в рамках обмена заключенными между СССР и Польшей. Написанный для сведения вышестоящих иерархов документ передает живые впечатления непосредственного свидетеля событий, связанных с антирелигиозным курсом советской власти, его преломлением в политике региональных властей. Такого рода документы время от времени попадали в Ватикан, как правило, либо дипломатическим путем, либо от тех, кому удавалось выехать из СССР. Выводы, которые делались как в Ватикане, так и самими священниками внутри страны, очевидным образом противоречили сущности происходящих событий. Начиная с 1917 г. Католическая церковь в лице самых различных ее представителей продолжала строить планы обращения русского населения в католицизм, будучи уверенной в неизбежности падения большевистской власти и компрометации православной церкви. Об этом, в том числе, свидетельствует и рассматриваемый в данной статье документ.

Ключевые слова: Католическая церковь в России/СССР, антирелигиозная политика советской власти, католическое духовенство в Западной Украине, советско-ватиканские отношения.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025 г.

История Католической церкви в СССР с начала 1990-х гг. стала предметом изучения многих отечественных исследователей, которые ввели в научный оборот солидный корпус ранее недоступных документальных источников. Достаточно упомянуть несколько фундаментальных монографий и публикаций документов, изданных за последние 30–35 лет¹. Был проделан также огромный труд по восстановлению биографий священников, прошедших советские исправительно-трудовые лагеря². В связи с тем, что католики в России принадлежали по преимуществу к национальным меньшинствам – поляки, немцы, литовцы, итальянцы и ряд других менее многочисленных колоний или диаспор, эта тема углубленно изучалась и зарубежными коллегами³. Но, несмотря на такое, казалось бы, обилие исследо-

¹ Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической церкви в России. СПб., 2014; Лиценбергер О.А. Римско-Католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; Чаплицкий Б. История Церкви в России. СПб., 2000; Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. М., 2023; Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шукер А.К. Римско-католическая церковь на северо-западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998; Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. М.; Новосибирск, 1997–1998.

² Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000; Могилевская Римско-католическая архиепархия: свидетельства живой памяти. СПб., 2019.

³ Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000 (Перевод с изд.: Wenger A. Rome et Moscou, 1900–1950. Paris, 1987); Pettinaroli L. La politique russe du Saint-Siege (1905–1939). Rome, 2015; Morozzo della Rocca R. Le Nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede. Bologna, 1992; Riccardi A. Il Vaticano e Mosca. Bari, 1993; Simon C. Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia. Rome, 2009; Stehle H. Die Ostpolitik des Vatikans 1917–1975, München-Zürich, Piper, 1975 / Stehle H. Eastern politics of the Vatican.

вательских работ и публикаций, остаются еще некоторые белые пятна в этой истории. Кроме того, по отношению к периоду 1920–1930-х гг. обнаруживается дефицит эго-документов, в связи с чем каждый найденный документ подобного рода является ценным.

Предлагаемая публикация призвана познакомить с таким эго-документом, созданным одним из католических священников, служивших на территории Украины в 1920-е гг. Документ был написан в начале 1933 г. для передачи в Ватикан и представляет собой воспоминания последних 10–15 лет его жизни в СССР.

Его автор, священник Теодор (Федор) Прокопович, родился в Луцке в 1897 г. и, закончив Житомирскую духовную семинарию, был рукоположен в начале 1920 г. По этим местам как раз прокатилась советско-польская война, поэтому неудивительно, что Прокопович за один год несколько раз менял места службы. В конце 1920 г. он осел ненадолго в приходе в селе Полонном на Волыни, одновременно обслуживая приходы в Староконстантинове и в с. Барановка, оставшиеся без священников, а после заключения мирного договора РСФСР и УССР с Польшей (18 марта 1921 г.) получил назначение в г. Лабун от апостольского администратора Луцко-Житомирской епархии Игнация Дуб-Дубовского, который сам к тому времени покинул СССР вместе с отводимыми в соответствии с договором польскими войсками и находился в Польше. После этого Прокопович обслуживал и ряд других приходов, которые перечисляет в своих воспоминаниях.

В 1930 г. Прокопович был арестован, приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Ярославский политизолятор, откуда был освобожден в августе 1932 г., и 15 сентября того же года отправлен в Польшу в рамках обмена заключенными⁴.

В своих воспоминаниях Прокопович, стремясь описать религиозно-политическую ситуацию в СССР, вместе с тем лишь несколькими словами касается ключевых для истории Католической церкви моментов антирелигиозной политики: кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г.⁵, приезда в СССР епископа Мишеля д'Эрбиньи в 1925–1926 гг., осуществившего реорганизацию Католической церкви в СССР, и письма Папы Пия XI кардиналу-викарию Рима Базилио Пампили 1930 г., в котором Папа призвал католиков всего мира к «крестовому походу молитв» за русский народ, письма, вызвавшего ожесточенную контркампанию советских властей⁶. Основное содержание воспоминаний – это личные

1917–1979, London, 1981; *Грабовец Э.* Святой Престол и немецкие католические священники в Советском Союзе (1922–1938): назначения, контакты и каналы связи в международном контексте [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002207-6-1> (дата обращения: 19.05.2018); *Дзвонковский Р.* Римско-католическая церковь в СССР. 1917–1939: исторический очерк. Люблин, 1997; *Кудрявцев С.* История католической церкви в России в XX веке. Иркутск, 2004; *Тамборра А.* Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2007 (Пер. с изд.: *Tamborra A.* Chiesa cattolica e ortodossia russa. Due secoli di confronto e dialogo. Dalla Santa Alleanza ai nostri giorni. Milano, 1992).

⁴ Вместе с ним были обменены еще 15 священников, в их числе Теофиль Скальский, назначенный епископом Мишелем Д'Эрбиньи Апостольским администратором Житомирской епархии.

⁵ Например, он ни словом не упоминает о наущивших процессах против белорусских священников, а также московский процесс против архиепископа Я. Цепляка и еще 14 петроградских и московских священников. См., например: *Петров С.Г.* Документы Политбюро ЦК РКП(б) о процессе по делу католического польского духовенства в Белоруссии (1922 г.) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 462–471; *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002218-8-1> (дата обращения: 19.05.2018); *Токарева Е.С.* Процесс католического духовенства 1923 г. в видении советских ведомств: Политбюро, Наркомюст, Наркоминдел и прочие [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028995-3-1> (дата обращения: 19.05.2018).

⁶ См., например: *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 19.05.2018); *Курляндский И.А.* Наш ответ Римскому Папе. Как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью» митрополита Сергия и его Синода [Электронный ресурс] // Политический журнал. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=27679> (дата обращения: 19.10.2021).

перипетии самого Прокоповича, которые, однако, добавляют некоторые любопытные детали к этим ключевым событиям. Так, из документа мы узнаем, что католики могли не только отчаянно сопротивляться изъятию ценностей из своих церквей, но и за взятку договориться с представителями властей, осуществлявшими изъятие, чтобы представить ряд предметов (например, серебряные оклады икон и чаши) как лишенные какой-либо ценности. А арестованных священников в этот период выпускали из тюрем благодаря настойчивым просьбам прихожан и их денежным взносам.

О деятельности в СССР епископа М. д'Эрбиньи Прокопович сообщает лишь одну небольшую подробность – д'Эрбиньи, по его словам, посещал митрополита обновленческой церкви в Крыму⁷ с предложением присоединиться к Католической церкви и был с возмущением этим митрополитом изгнан. Более того, о его визите и предложениях митрополит сообщил соответствующим органам. Любопытным является тот факт, что, несмотря на выказанную лояльность, сам митрополит также оказался в тюрьме спустя, видимо, совсем небольшое время. Посещение обновленческого митрополита епископом д'Эрбиньи, по-видимому, было вызвано уверенностью последнего в дружеских отношениях с иерархами Живой церкви. Не следует забывать, что первый приезд в Москву д'Эрбиньи в сентябре-октябре 1925 г. был связан с пожеланием обновленческого митрополита А. Введенского пригласить на «III Всероссийский поместный собор православной церкви» наблюдателя от Католической церкви.

Относительно периода 1926–1928 гг. воспоминания Прокоповича добавляют для исследователей еще некоторые детали. Во-первых, он подробно описывает методы преследований и – особенно – провокаций, которые использовались ГПУ против священников. Во-вторых, мы узнаем из его записки о планах создания независимой от Ватикана Украинской национальной церкви, организация которой была предположительно возложена на Дионисия Ткачука, в 1926–1931 гг. – протоконсультора и визитатора Галицкой провинции Василианского ордена. Хотя подобные планы создания независимых от Ватикана церквей уже рассматривались в исследованиях ранее, наибольшее внимание до сих пор уделялось Католической церкви в Белоруссии⁸. В-третьих, в воспоминаниях Прокоповича содержится важное свидетельство о печально известной декларации священников Каменец-Подольской епархии Я. Свицерского, С. Квасневского и К. Нановского⁹ к десятилетию Октябрьской революции, в которой выражалась лояльность советской власти. Она была широко разрекламирована советскими властями и опубликована ими в украинских и московских газетах. Текст опубликованной декларации, как утверждает И.И. Осипова, «сильно отличался от написанного священниками варианта. Очевидно, он был полностью переписан в ГПУ, и в таком виде стал компроматацией католического духовенства на Украине, поскольку апостольские администраторы выражали признательность и благодарность советской власти за религиозную свободу и якобы признавались, что *“католическое духовенство на Украине вело антисоветскую деятельность и сотрудничало с польской разведкой”*. Отцу Яну Свицерскому удалось уведомить об этой фальсификации еп. Пия Невё в Москве, а также переслать подлинный текст письма в Польшу»¹⁰. Согласно свидетельству Прокоповича, дело это не было завершено в 1927 г., поскольку даже год спустя священники продолжали обсуждать вопрос о том, следует ли им добавить к этой декларации свои подписи. Наконец, рассказ Прокоповича подтверждает существование определенной связи между процессами против католических священников на Украине и упомянутым выше письмом Пия XI кардиналу Базилио Пампили, а именно использование арестов «как ответа святому отцу за его вмеша-

⁷ Очевидно, речь идет о митрополите Алексии (Замараеве), обновленческом митрополите Крымском в 1925–1927 гг. Следует при этом учесть, что митрополит скончался уже 18 апреля 1927 г., т.е. спустя год после визита д'Эрбиньи. Он скончался на свободе, так что его возможное заключение было весьма кратковременным.

⁸ См.: Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды... Док. 47, 251, 294, 311, 312, 313, 316, 317, 336, 337, 340. Некоторые из документов (47, 317, 340, 342), однако, ясно свидетельствуют о том, что подобные процессы происходили и на Украине.

⁹ Там же. Док. 360, 365.

¹⁰ Книга памяти... С. 394.

тельство в русские дела». Это мнение Прокоповича представляет особую ценность: по его словам, арест 30 священников двух епархий на территории Украины состоялся в период с 25 января по 2 февраля 1930 г., т.е. до публикации письма. Таким образом, утверждение Прокоповича свидетельствует о том, что власти СССР были заранее осведомлены о готовящейся публикации и начали «отвечать» еще до того, как письмо получило резонанс в Европе.

Дополнительный интерес представляемому документу придают два обстоятельства.

Первое из них относится к завершающей части письма. По мнению Прокоповича, после падения большевистского режима (которое, правда, произойдет не так скоро) в России может легко победить католическая конфессия, поскольку он считал православие полностью скомпрометированным. Для распространения католичества, как он утверждает, Ватикан должен «уже сейчас» готовить «сотни миссионеров», чтобы предупредить восстановление православия, возможное после возвращения в Россию духовенства Русской православной церкви за границей, которое «развратит их (народные массы. – Е. Т.) снова, настроив их враждебно против католицизма». И этот оптимизм Прокопович выражает после того, как стал свидетелем практически полного уничтожения Католической церкви в СССР! Но Прокопович, конечно, не был одинок в своих надеждах. Мы знаем, что подобные чаяния были свойственны Католической церкви непосредственно после революции, поскольку католики были уверены в том, что уравнивание православия с другими конфессиями дает им огромный шанс для завоевания душ русского населения. Подобное же чаяние испытывали десятилетие спустя после письма Прокоповича и капелланы, сопровождавшие итальянскую армию, оккупировавшую южные территории СССР (главным образом восточные области Украины) с началом Второй мировой войны¹¹. Но ни в одном из этих случаев надеждам Ватикана не суждено было сбыться.

Второе обстоятельство связано с судьбой самого автора документа, сильно отличающейся от судеб большинства католических священников в 1920–1930-е гг. Вернувшись в Польшу, Прокопович несколько месяцев служил в Луцкой епархии, судя по подписи на документе – в Костополе, затем с весны 1933 г. (по-видимому, с конца апреля или с мая) – в Западной Польше, где его и застала немецкая оккупация. 26 августа 1940 г. он был арестован гестапо и отправлен в концлагерь Дахау, где содержался в тридцатом блоке концлагеря под № 22323. 14 октября 1942 г. он погиб в газовой камере.

Прокопович был не единственным священником из числа служивших в 1920–1930-е гг. на территории СССР и оказавшихся в концлагерях после немецкой оккупации. Такая же судьба ждала о. Г. Хлебовича, арестованного гестапо осенью 1941 и обвиненного в «полонизации местного населения» (9 ноября 1941 г. он был убит в лесу недалеко от Борисова), В. Ивицкого, арестованного гестапо в качестве заложника в 1943 г. и расстрелянного 22 января того же года, А. Неманцевича, с августа 1942 г. содержавшегося в концлагере в Берлине, где он и скончался, В. Оношко, арестованного гестапо летом 1941 г. и убитого в октябре того же года, В. Петкевича, арестованного гестапо 24 октября 1939 г. и расстрелянного 1 ноября того же года, Э. Табачковского, арестованного гестапо в 1942 г. и в том же году скончавшегося в тюрьме, З. Хмельницкого, скончавшегося после избиений в концлагере Гросс-Розен, А.С. Вагенгейм-Савицкую, францисканку-терциарку, арестованную гестапо в Киеве в 1941 г. в качестве заложницы и расстрелянную. Трагической была и судьба 11 монахинь ордена назаретянок (П. Боровик, Я.К. Жак, А. Коколович, А. Мардосевич, Л. Матушевской, Е. Мацкевич, В. Нармонтович, Ю. Репей, Ю. Хробот, Х. Черпка, Э.-А. Юзвик). В ночь с 17 на 18 июля 1943 г. гестапо арестовало 120 жителей города Новогрудок (Гродненской области). Монахини, включая настоятельницу монастыря, предложили себя вместо арестованных и были расстреляны 1 августа. Некоторым священникам повезло быть освобожденными из концлагерей (М. Малику, А. Кашубе, А. Зомбеку,

¹¹ См.: Беглов А.Л., Токарева Е.С. Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 120. С. 163–179.

С. Кобылецкому, К. Козера, А. Куява, Б. Слоскану, Р. Ялбжиховскому), часть из них (А. Зомбек, К. Козера, Р. Ялбжиховский) была освобождена советскими войсками.

Перевод документа на русский язык сделан с итальянского перевода, хранящегося в Историческом архиве Второй секции Государственного секретариата в фонде Папской комиссии «Про Руссия» (Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari (AA.EE.SS.). Fondo Pont. Comm. Pro Russia: Sc. (Коробка) 46. Fasc. (Папка) 273. F. (Листы) 38–46) в виде машинописной копии. Важность использования итальянского перевода объясняется тем, что именно в этом варианте текст был получен и прочитан Комиссией; именно на основании этого перевода ею могли быть приняты решения. Помимо этого, весьма характерны пометки, сделанные переводчиком по тексту. Эти пометки показывают, насколько скудную информацию Ватикан получал о деталях положения духовенства в СССР (и в целом о жизни в России), о котором имел лишь самое общее представление. Оригинал написан по-польски от руки и хранится в той же папке на л. 26–37. Перевод полностью соответствует оригиналу, хотя, судя по погрешностям в итальянском языке, переводчик был не итальянцем, а, вероятнее всего, поляком. Предположительно документ предназначался для епископа Мишеля д'Эрбиньи, возглавлявшего до осени 1933 г. Папскую комиссию «Про Руссия». Однако отстранение д'Эрбиньи от должности в октябре 1933 г., возможно, явилось причиной того, что он был оставлен без внимания.

**Доклад священника Луцкой епархии (Польша) Федора Прокоповича
о некоторых подробностях его служении в СССР в 1920–1930 гг. и о религиозной
ситуации в СССР в целом, направленный в Ватикан в апреле 1933 г.**

Resoconto del sacerdote Teodoro Prokopowicz¹²

Nell'autunno dell'anno 1920, quando la Polonia, in esecuzione del patto di Riga, cominciò a ritirare i suoi eserciti da Polonne (Volinia, dioc. di Zitimir) dove avevo posto di vicario, vidi con rammarico che davanti alle orde bolsceviche fuggivano anche i sacerdoti, lasciando orfane le numerose parrocchie, sentii una commisarezione per questo popolo e, malgrado le istanze dei parenti che abitavano in Polonia, decisi con la grazia di Dio di rimanere sul posto; non giovarono nemmeno le proposizioni di mio fratello, ufficiale nell'esercito polacco, il quale mi mandò là suo attendente per accompagnarmi e coll'adescamento che avrei trovato in patria un pezzo di pane con più tranquillità. Feci le esercizi spirituali e la confessione generale, aspettando l'arrivo dei bolscevichi. Ruppi tutte le relazioni ed anche la corrispondenza con i parenti in Polonia, e questo durò fino al mio arresto. Appena arrivati i bolscevichi già mi trovai sulla lista di 44 condannati, ma prevenuto e sotto la forma maggiore, ebbi la possibilità di nascondermi nelle foreste di Miropol e Romanov in Volinia. Per una grande somma di denaro, venni cancellato dalla lista, – pagarono i parrocchiani. Potei uscire, ma ritornai non a Polonne, ma a Labun in Volinia, al posto di parroco; ricevetti la nomina da Sua Ecc. Vescovo Dubovski nel mese di Agosto 1921, rimanendovi fino all'arresto.

L'anno 1922 rimarrà noto nella storia, come "l'anno delle espropriazioni". La chiesa di Labun fa circondata dai soldati bolscevichi, ma una folla di fedeli, qualche migliaio, – venne alla difesa della sua Mammina (Matuchna in polacco) che volevano spogliare della veste dell'argento. Nascosi una ostensorio preziosa, la pisside ed i calici di metallo nobile (szlachety in pol., blagorodni in Russo – nobile, sono l'oro, l'argente, il platino, n. del trad.) insieme con i vecchi registry parrocchiali; ai bolscevichi presentai registri nuovi e ancora vuoti, perciò i bolscevichi, non volendo accettarli, mi misero in arresto, / e venne liberato grazie all'istanza della popolazione locale.

Fu nominate un'altra commissione, con la quale trattamo meglio; dietro uno sbruffo, essa si premise un "lapsus linguae", scrivendo nel resoconto: "risa Bogiei Materi is fragé, posserebrionnaia", cioè "la veste della Madre di Dio è fatta di fragé argentato" (una lega di cupro, zinco e stagno, fabbricata nello stabilimento metallurgico russo-francese Fraget, in grande uso in Russia per

¹² Название документа в итальянском переводе.

le posate, se ne facevano anche i vasi sacri, n. del. trad.); in tale maniera riuscimmo a salvare la chiesa di Labun dalla deprecazione.

Nell'anno 1923 dovetti celebrare da solo la festa indulgenziata (in pol. *Dopiest* – perdono) di S. Felice a Staro-Costantinov, l'atmosfera politica vi era gravissima. Arrivai da Labun a Staro-Costantinov come vicino ed ospite, ma venni a sapere che dal parroco tutta la notte si era fatta la perquisizione, ed egli stesso era riuscito a fuggire. Sei sacerdoti, venuti dai dintorni per la stessa ragione, come me, appena saputo l'incidente, ritornarono, quanto più presto si poté nelle loro parrocchie. Ma l'aflusso dei fedeli era stragrande malgrado la grave situazione, e tutti gli insuccessi politici irritavano i bolscevichi che si vendicavano su di noi; – approssimativamente in questo tempo fu ucciso in Ginevra l'ambasciatore Vorovschì, e negli assembramenti stradali si gridava: “*tisiaciu ich za niego odnogo*” (cioè, un migliaio di loro, polacchi, per lui solo, n. del. trad.), così grande era l'ira dei cechisti locali, il parroco era obbligato a scappare via.

Nello stesso anno 1923, fui condannato a sei mesi di lavori forzati per il conferimento del battesimo ad un fanciullo morente, senza ch'egli fosse stato registrato preventivamente nei libri bolscevistici. Fino all'anno 1926 lavoravo in diverse parrocchie, prive della cura sacerdotale: Scepétovka (*Szepetówka*), Liubarov (*Lubarów*), Ostropol, Staro-Costantinov, Polonne, Culcin (*Kulczyn*), Antonin, Baranuvca (*Baranówka*) e Miropol in Volinia, Zwianogrudca (*Zwianogródka*) e Lisionca (*Lysianka*) nel distretto di Ckïev (*Kijów*, in russo Kiev). / Nell'anno 1926, secondo l'ordine dell'Amministratore, divenni parroco stabile di 3 parrocchie: Labun, Lubar, Ostropol, dove romanevo fino al mio arresto.

Soffrì le vessazioni variissime: persecuzioni, le misure impeditive contro la celebrazione degli uffici, il rifiuto di registrazione, perquisizioni, provocazioni e le proposizioni infamissime, come l'apostasia dall'ordine, senza l'obbligo di entrare nelle file bolsceviche ed atee, mi promettevano nel caso di consenso una paga di 500 rubli mensili (anno 1919, 1926–27), la Fondazione della Chiesa Nazionale, appoggiata fortemente dal governo. A tale scopo, nell'anno 1925, venne da me un delegato speciale, mandato da Charcov, un tale Tcaciuc (*Tkaczuk*), organizzatore della Chiesa nazionale Ucraina. Partito lui senza risultato, la GPU non si diede per vinto, mandò da me la sua delegate, una certa signorina Maria Vagner, la quale, da Chiev (*Kiev*) cominciò meco la sua corrispondenza. La sua prima lettera principia con le seguenti parole: “Che il Reverendo Parroco mi perdoni, se mi rivolgo alla sua bontà... Non La conosco personalmente, ma vedendoLa da lontano, mi permetta che Le scriva qualche volta nei momenti così gravi per me... prego di bruciare questa lettera, non mostrando a nessun altro sacerdote... sia discreto...” Conservai questa lettera per avere la prova che completamente ignoravo questa persona, scrivendole che avevo il principio di non tenere corrispondenza cogli sconosciuti, perciò anche essa non potrebbe essere esclusa dalla mia regola. La conseguenza n'era tutta contraria: venne una vera grandinata di lettere con un contenuto piuttosto amoroso, fu mandato anche una fotografia; come io non rispondevo, essa cominciò a minacciarmi, che m'insegnerebbe, come si doveva onorare le donne. La signorina si premise di venire qualche volta a Labun, ma con la grazia di Dio, essa non m'ha mai trovato a casa. Ebbe grandissima meraviglia, quando il 3 di Maggio 1928, essendo alla festa indulgenziata in Zudnov (*Cudnov*) in Volinia dal parroco Sobański, già defunto, insieme con altri sacerdoti, vidi al pranzo quella Vagner, avendola riconosciuta dalla fotografia.

/ L'oste mi disse di non conoscerla, perchè essa era venuta con un'altra signora, parrocchiana di Berdicev. Più tardi il parroco di Berdicev mi diceva che Vagner aveva una missione della GPU di essere presente al pranzo della festa, durante cui uno dei sacerdoti voleva toccare la questione sulla “dichiarazione dei sacerdoti della diocesi di Camieniez”, essa doveva riferire, chi era pro e chi contra che noi firmassimo questa dichiarazione. Il penultimo suo attacco avvenne nell'anno 1929: ricevetti una lettera che aprii in presenza del portalettere e due altri testimoni, vi trovai un foglio e la fotografia della Vagner; essa scriveva: «Come Reverendo non vuole aver meco nessun contatto, prego rimandarmi la fotografia con la posta seguente». Cosa strana, essa mi manda la fotografia e chiede di rimandarla immediatamente! Scrissi un protocollo, tutti presenti lo firmarono. Mi ha

costato molto tempo e lotta, fino ch'io ho ottenuto dalle autorità bolsceviche la conferma delle firme dei testimoni.

In una delle mie parrocchie avevo un convertito, antico cechista, due anni di prigionia gli ha costato questa provocazione. Il rompicapo fu facilmente sciolto. Egli prese la fotografia (che doveva rimandare), ne separò un foglietto, collato di dietro, e vi apparso una lettera che non potetti leggere chiaramente. Ma l'antico cechista mi spiegò, dicendo: "Maria Vagner lavora nella GPU. Non è essa che scrive le lettere, ma la GPU. Si desidera e aspetta che Lei rimandi la fotografia con i segni convenzionali viene sequestrate e vengono arrestati e Lei e Vanger, sotto il pretesto che la corrispondenza, apparentemente amorosa, di fatti da le prove che voi siete delle spie. Lei Reverendo viene accusato di spionaggio attivo pro Polonia, Vagner invece è liberata e esce dall'altra porta". La GPU mi ha preso tutte queste prove nel momento del mio arresto. Maria Vagner, come seppi nella prigionia, era bene conosciuta, come provocatrice, lo sanno i sacerdoti Sigismondo Chmielnicki, Teofilo Scalski (Skalski), Boleslao Savizchi (Savicki), essa non è sconosciuta ai sacerdoti Gisuppe Bienzchi (Józef Bienicki) / e Antonio Tracinschi (Traczyński).

Vieni arrestato il 30 gennaio 1930 alle 7 e mezzo di sera nella mia dimora a Labun in Volinia. Le prime tre settimane fui rinchiuso a Scepetyvca (Szepetówka) in Volinia e tutto questo tempo interrogato in modo di Conver (Konwier sigla bolscevica che non conosco, n. del trad.) cioè senza interruzione, giorno e notte ero soggetto dell'istruttoria e ne soffrì molto. Istruttori a Scepetyvca erano Prigov (Prygow), Detenco ed il comandante stesso della GPU locale. Prygov (pseudonimo) era giorgiano, Detenko (pseudonimo) – ebreo, il comandante (non conosco il suo nome), come dicevano, un ucraino. A Szepetówka ero rinchiuso nel carcere. Passate tre settimane, fui mandato a Kiew, per una nuova istruttoria, fatta dagli stessi Prygov e Detenko, – nuovi erano Gradow (pseudonimo) – ebreo, li dicono specialista nelle questioni ecclesiastiche, e Bescia (Besza, pseudonimo) – giudice istruttore di Kiew o di Zitomir, in ogni modo non un giudeo. Non vi esisteva nessuna ragione prossima e immediata per il mio arresto; si diceva che esso era causato dal desiderio di liquidare la chiesa in Ucraina, o, secondo l'opinione di qualche russo istruito, doveva essere considerate, come "la risposta al Santo Padre per la Sua intervento negli affari Russi", "otvet Papie Piu Odinnazatomu", – erano arrestati quasi 30 sacerdoti da due diocesi, l'arresto ebbe luogo tra il 25 gennaio e il 2 febbraio 1930. L'ordine dell'arresto era venuta da Mosca e perciò ogni sforzo di aiutarci sul luogo rimaneva vano: "non possiamo niente, tale è l'ordine di Mosca!".

La causa mediate era tutta mia attività di sacerdote durante dieci anni sul territorio sovietico. Mi era incolpato che ingannavo le autorità, catechizzando i fanciulli sotto il manto d'istruzione del mese di maggio; che durante le visite di Natale ("colenda", in russo coljada, sono chiamate le bellissime canzoni di Natale che un gruppo dei fedeli canta di casa in casa, sono ammesse anche nel servizio Divino, anche gli uniti le conoscono, gli "ortodossi" cominciano a introdurre, n. del trad.) esaminavo gli adulti, scrutando le loro conoscenze / religiose; infine che nelle mie parrocchie esistevano organizzazioni segrete (podpolnia in russo, cioè sotto il pavimento). – Circoli del Rosario Vivente, Terziarii e che tra la mia gioventù non era nessun "comsomoletz" (partigiano della gioventù comunista-sovietica), l'ultimo fatto aveva luogo fino all'anno 1929.

Mi si incolpava ancora, che tutte le scuole polacche sovietiche fossero sotto il mio influsso e che i maestri sovietici, stando meco in contatto, ricevessero da me la direzione per trascurare la propaganda atea nelle scuole e ch'io consigliasse ai giovani polacchi di fuggire in Polonia, perchè in Russia "essi perderebbero le loro anime"; essendo nemico dell'autorità dei Sovieti, io avrei rifiutato la firma sotto la nota dichiarazione dei sacerdoti della diocesi di Camieniez, raccomandandolo anche agli altri colleghi. Mi si ascrivevano a colpa le frequenti visite a Chiev (Kiew) dall' Amministratore Nascrenzche (Naslrečki), ricevendo da lui "istruzioni segrete", ed anche che conoscevo l'arrivo in Russia di S.E. d'Herbigny (l'autore scrive sempre Arcivescovo d'Herbeny).

Fino all'anno 1929 avevo cavalli e cocchiere. L'istruttoria vi ha trovato il delitto seguente. Si diceva che quel cocchiere già dall'anno 1927 avesse delle relazioni con contrabbandiere a mia saputa a ch'io permettessi di profittare de'miei cavalli. L'incriminazione aveva il tenore seguente: "Sacerdote Teodoro Prokopowicz, essendo patriota polacco, educava in questo spirito il popolo,

confidatogli, e principalmente la gioventù, alla quale raccomandava energicamente di fuggire in Polonia; egualmente, i suoi cavalli servivano al noto contrabbandiere Zabarski”. Fondato su questi “fatti”, il verdetto mi condannava (art. 54,10) a 8 anni del Politisolatore (isolatore politico) in Iaroslav. Quella condanna era annunciata a me ed altri 22 sacerdoti in via amministrativa, cioè senza alcun processo di tribunale, nella vettura chiusa di prigionie alla stazione di Kiew, li 26 maggio 1930.

Il 29 maggio fummo trasportati a Iaroslav sul Volga, dove rimasi fino al 14 luglio 1932 e poi fino al 13 settembre 1932, il giorno dello scambio.

/ Quanto all’attività di S.E. Mons. D’Herbigny sul territorio della Russia Sovietica, voglio dare il dettaglio che ho saputo nell’isolatore politico di Iaroslav; l’ho da uno studente, ucraino, di 23 anni, i di cui giorni erano contati, perchè la tisi polmonaria e l’ulcera della stomaco, di cui soffriva, facevano rapidi ed inesorabili progressi. Il flusso di sangue continuo ... ne fui testimonia oculare; il giovane si mostrava molto inclinato per il cattolicesimo, – egli mi raccontava, che la più grande gioia gli facevano i discorsi sul cattolicesimo dalla bocca di Abricosova, convertita russa, li ho uditi anch’io. Quello studente a suo tempo era imprigionato insieme con metropolita della Chiesa Vivente in Crimea a Simferopol, il quale ricevette una visita personale di S.E. Mons. D’Herbigny. Di questo caso il metropolita raccontò al suo coprigioniere in modo seguente: “Veda, come furbi sono i cattolici, vogliono che ci uniamo alla Chiesa Cattolica, al Papa; per parlarmene era venuto da me un francese da Roma, mi diede anche la letteratura e prometteva montagne d’oro, se io passassi al cattolicesimo. Appena che fosse uscito da me, io riferii tutto, a che si deve” (“ia dal znat, comu viedat nado”).

Concernente le relazioni religiose in Russia, esse sono ottimamente caratterizzate dalle parole del giudice-istruttore Prigow: “Cominismo e Cattolicesimo non sono compatibili. Coll’ortodossia abbiamo fatto ciò che volevamo, ma la lotta con Cattolicesimo è più difficile, non si rimangono che i mezzi amministrativi”.

L’ortodossia in Russia è compromessa, invece il Cattolicesimo e l’autorità del Santo Padre crescono da giorno in giorno; nelle mie parrocchie avevo molte conversioni, – tutti considerate, penso che il bolscevismo prepara un suolo fertile per il Cattolicesimo. Quando il potere bolscevico cadrà in Russia, – presentemente non è da pensarvi, ma opus Deum omne possibile est (testo dell’autore), allora la conversione d’un comunista e comsomolzo sarà mille volte più facile che quello d’un fanatico della vecchia ortodossia. L’idea della conversione della Russia è grande, e bisogna, da nostri giorni, preparare delle / centinaia di missionari, affinché, al tempo propizio, possono intraprendere la lotta per la conquista delle anime russe, prima che i popi dell’Occidente non la guastino di nuovo, disponendole inimicalmente contro il Cattolicesimo.

Non sono economista, ma posso ripetere l’opinione d’un economista, ebreo, il quale, diplomato negli studi a Losanna, occupava un alto posto a Mosca, ma poi per il danneggiamento (vreditielstvo) capitò per dieci anni a Iaroslav. Egli diceva: “bisogna rendere giustizia alla Russia e riconoscere che’essa ha riuscito di costruire i “giganti”, ma questi giganti sono uno zero di fronte alle necessità della popolazione, – si rattoppa un buco col grande danno per gli altri pezzi, formando un circolo vizioso, – lo dimostra la politica estera del Comintern (Comunismo Internazionale), quella botte senza fondo; perciò non si può parlare del benessere del popolo in Russia, almeno durante molti anni”. I Russi l’hanno compreso bene, perciò due terzi di loro sono radicalmente guariti dal comunismo, implorando la guerra che porterà il cambiamento bramato.

Quanto ai nostri fedeli cattolici, essi, all’eccezione d’una piccola minoranza, rimarranno sempre cattolici. Ecco i fatti della fine dell’anno 1929 e dal principio dell’anno 1930, prima della burrasca di collettivizzazione. Quotidianamente, le chiese stavano piene zeppe, i fedeli perdevano qualche giorno, per poter presentarsi a me: “Padre, mi confessi da tutta la mia vita, sento che questa è l’ultima mia confessione”, si sentiva dire dappertutto: “siamo venuti per assistere alla Santa Messa, possibilmente anch’essa l’ultima nella nostra vita, perchè o prenderanno via te, chiudendo la chiesa, o esilieranno noi nella lontana Siberia”. I bolscevichi, volendo terrorizzare la popolazione cattolica nelle mie parrocchie cominciarono con arrestare i presidi dei sindacati (si chiamavano

obščina) e quando mandarono per turno 3 in Siberia, essi pensano che nessuno oserebbe occupare i loro posti, ma dovettero darla vinta, si trovavano sempre nuove persone, specialmente tra la gioventù che volevano con piena coscienza / slancirsi verso il martirio. Iddio sa, quanti sono tali martiri “griggi” (in Russo – sieri, in polacco sciari, ort. szary – colore d’umiltà, d’origine umile). Il popolo, malgrado che sia terrorizzato a asservito sotto le parole d’ordine comuniste, rimarrà per sempre cattolico a sua guisa.

Firmato: Teodor Prokopowicz

Kostopol

Li 10 Aprile 1933

Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari (AA.EE.SS.). Fondo Pont. Comm. Pro Russia. Sc. 46. Fasc. 273. F. 38–46, машинописная копия, ит. яз. Подпись – машинописью. Подпись переводчика отсутствует.

Перевод

Отчет Священника Федора Прокоповича

Осенью 1920 года, когда Польша, выполняя Рижский договор¹, начала выводить свои армии из Полонного^a (Волянь, диоцез Житомира), где я занимал должность викария, я с сожалением увидел, что перед большевистскими ордами бежали и священники, оставив осиротевшими многочисленные приходы, я почувствовал сочувствие к этому народу и, несмотря на настояния родственников, проживавших в Польше, по милости Божьей решил остаться на месте; не помогли даже предложения моего брата, офицера польской армии, который послал туда своего адъютанта, чтобы сопровождать меня и соблазнить тем, что я найду на родине кусок хлеба с большим спокойствием. Я занимался духовными упражнениями и исповеданием населения, ожидая прихода большевиков. Я разорвал все отношения и даже переписку с родственниками в Польше, и так было до самого моего ареста. Как только прибыли большевики, я оказался в списке 44 осужденных, но, предупрежденный вовремя, я имел возможность спрятаться в лесах Мирополя и Романова на Волини. За большую сумму я был вычеркнут из списка, – заплатили прихожане. Я смог выйти (из укрытия. – Е. Т.), но вернулся не в Полонное, а в Лабун на Волини, на место священника; назначение я получил от Его Преосвященства, епископа Дубовского², в августе 1921 года и оставался там до ареста.

1922 год останется известным в истории как «год экспроприации»³. Лабунская церковь была окружена большевистскими солдатами, но толпа верующих, несколько тысяч, пришла на защиту своей Матери (Matuchna по-польски), которую хотели лишить серебряного оклада. Я спрятал драгоценный ковчег, дароносицу и кубки из благородного металла (szlachety по-польски, благородные по-русски – золото, серебро, платина (n. del trad.^b)) вместе со старыми метрическими книгами; большевикам я предъявил новые и еще пустые, поэтому большевики, не желая их принимать, арестовали меня, / я был освобожден благодаря настояниям местного населения.

Была назначена еще одна комиссия, с которой мы сумели найти общий язык; с помощью взятки она позволила «lapsus linguae»^c, написав в отчете: «risa Bogiei Materi is fragé, posserebrionnaia», то есть «риза Божией Матери сделана из посеребренного фразе» (сплав меди, цинка и олова, изготовленный на российско-французском металлургическом заводе Фразе⁴, широко используемый в России для столовых приборов, из него также делают священные сосуды, n. del trad.); таким образом мы смогли спасти Лабунскую церковь от разорения.

^a Укр. – Полонне.

^b N[ota] del trad[uttore] (ит.) – здесь и далее: примечание переводчика.

^c Обмолвку (лат.).

В 1923 году мне пришлось в одиночку отмечать индульгенциальный праздник (по-польски *Dopiest* – прощение) св. Феликса⁵ в Старо-Константинове, политическая атмосфера была очень тяжелой. Я приехал из Лабуна в Старо-Константинов в качестве соседа и гостя, но узнал, что у приходского священника всю ночь проводился обыск и он сам успел скрыться. Шесть священников, приехавших из окрестностей по той же причине, как и я, едва узнав о происшествии, вернулись как можно скорее в свои приходы. Но поток верующих был огромным, несмотря на тяжелое положение, и все политические бесчинства раздражали мстящих нам большевиков; примерно в это время в Женеве был убит посол Воровский⁶, а на уличных собраниях кричали: «*tisiaciu ich za niego jednego*» (то есть тысяча из них, поляков, за него одного, *n. del. trad.*), настолько велик был гнев местных чекистов, что приходской священник был вынужден бежать прочь.

В том же 1923 году я был приговорен к шести месяцам каторжных работ за крещение умирающего ребенка без предварительной регистрации его в большевистских книгах. До 1926 года я служил в нескольких приходах, лишенных священнической заботы: Шепетовка (*Szepetówka*), Любаров (*Lubarów*), Острополь, Старо-Константинов, Полонное, Кульчин (*Kulczyn*), Антонин, Барановка (*Baranówka*) и Мирополь на Волини, Звенигородка (*Zwianogródka*) и Лисянка (*Lysianka*) в районе Киева (*Kijów*, по-русски Киев). / В 1926 году по приказу Администратора я стал постоянным приходским священником трех приходов: Лабунского, Любарского, Остропольского, где оставался до своего ареста.

Я пережил самые разные притеснения: преследования, запреты богослужений, отказ в регистрации, обыски, провокации и позорные предложения, такие как отступничество из ордена, без обязательства входить в ряды большевиков и атеистов, мне обещали в случае согласия зарплату в размере 500 рублей в месяц (1919, 1926–27), основание Национальной Церкви, сильно поддерживаемой правительством. С этой целью в 1925 году ко мне пришел специальный делегат, посланный из Харькова, некий Ткачук (*Tkaczuk*)⁷, организатор Украинской национальной церкви. Он ушел безрезультатно, но ГПУ, не признав свое поражение, послало ко мне своего делегата, некую синьорину Марию Вагнер, которая из Киева (*Kiew*) начала переписку со мной. Ее первое письмо начиналось со следующих слов: «Да простит меня Преподобный Священник, если я обращусь к его доброте... я не знаю Вас лично, но, видев Вас издали, прошу позволения писать Вам иногда в особенно тяжелые для меня моменты... я прошу сжечь это письмо, не показывая ни одному другому священнику... будьте осторожны...». Я сохранил это письмо, чтобы иметь доказательство того, что я совершенно не знал ее, написав ей, что у меня есть принцип не вести переписку с незнакомыми людьми, так что она тоже не может быть исключением из моего правила. Последствие было совершенно противоположным: пошел настоящий поток писем с содержанием скорее любовным, была прислана и фотография; так как я не отвечал, она стала угрожать мне, что научит меня, как надо уважать женщин. Синьорина позволила себе несколько раз приехать в Лабун, но, по милости Божьей, ни разу не застала меня дома. Для меня было весьма удивительным, когда 3 мая 1928 года, находясь на празднике в Чуднове (*Cudnov*) на Волини, проводившемся ныне уже покойным приходским священником Собанским⁸ вместе с другими священниками, я увидел на обеде эту Вагнер, узнав ее по фотографии.

/ Трактирщик сказал, что не знает ее, потому что она приехала с другой дамой, прихожанкой Бердичева. Позже приходской священник Бердичева сказал мне, что Вагнер имела миссию ГПУ присутствовать на праздничном обеде, во время которого один из священников хотел затронуть вопрос о «декларации священников Каменецкой епархии»⁹, она должна была сообщить, кто был за, а кто против того, чтобы мы подписали это заявление. Предпоследнее ее нападение произошло в 1929 году: я получил письмо, которое открыл в присутствии почтальона и двух других свидетелей, нашел там листок и фотографию Вагнер; на нем было написано: «Поскольку Преподобный не хочет иметь со мной никаких контактов, пожалуйста, верните мне фотографию следующей почтой». Странно, она посылает мне фотографию и просит немедленно отправить ее обратно! Я написал протокол, все присутствующие подписали его. Мне стоило много времени

и борьбы, пока я не получил от большевистских властей подтверждение подписей свидетелей.

В одном из моих приходов у меня был новообращенный, бывший чекист, подобная провокация стоила ему два года заключения. Головоломка легко разрешилась. Он взял фотографию (которую я должен был отправить), отделил от нее листок, приклеенный сзади, и там появилось письмо, которое я не мог четко прочитать. Но бывший чекист объяснил мне, сказав: «Мария Вагнер работает в ГПУ. Не она пишет письма, а ГПУ. Они хотят и ждут, что Вы отправите обратно фотографию с обусловленными знаками, которая будет конфискована, а Вы и Вагнер будете арестованы под предлогом, что переписка, казалось бы любовная, на деле свидетельствует о том, что вы шпионы. Вас, Преподобный, обвинят в активном шпионаже в пользу Польши, в то время как Вагнер будет освобождена и выйдет через другую дверь». ГПУ забрала у меня все эти доказательства во время моего ареста. Мария Вагнер, как я узнал в тюрьме, была хорошо известна как провокатор, ее хорошо знали священники Сигизмунд Хмельницкий¹⁰, Теофил Скальски (Skalski)¹¹, Болеслав Савицкий (Savicki)¹², она не была неизвестной священникам Иосифу Бенецкому (Józef Bienicki)¹³ / и Антонию Трачинскому (Traczyński)¹⁴.

Я был арестован 30 января 1930 года в 7.30 вечера в моем жилище в Лабуне на Волыни. Первые три недели меня содержали в Шепетовке (Szepetówka) на Волыни и все это время допрашивали способом конвейера (Konwiar – большевистская аббревиатура, которую я не знаю, n. del trad.), то есть без перерыва, днем и ночью я был предметом допросов и от этого сильно страдал. Следователями в Шепетовке были Прыгов (Prygow)¹⁵, Детенко¹⁶ и сам начальник местного ГПУ. Прыгов (псевдоним) был грузин, Детенко (псевдоним) – еврей, начальник (не знаю его имени), как говорили, украинец. В Шепетовке я был заключенным в тюрьме. Когда прошли три недели, меня отправили в Киев на новый допрос, который вели те же Прыгов и Детенко, – новыми были Градов¹⁷ (псевдоним) – еврей, как говорили, специалист по церковным вопросам, и Бешиа¹⁸ (Besza, псевдоним) – следственный судья Киева или Житомира, во всяком случае не иудей. Ближайшей и непосредственной причины для моего ареста не существовало; поговаривали, что это вызвано желанием ликвидировать церковь на Украине, или, по мнению какого-то осведомленного русского, его надо было рассматривать как «ответ святому отцу за его вмешательство в русские дела», «otvet Papie Piu Odinnazatomu», – арестовали почти 30 священников из двух епархий, арест состоялся с 25 января по 2 февраля 1930 года. Приказ об аресте исходил из Москвы, и поэтому все усилия помочь нам на месте оставались напрасными: «Мы ничего не можем, таков приказ Москвы!».

Опосредованной причиной была вся моя деятельность священника в течение десяти лет на советской территории. Меня обвиняли в том, что я обманывал власти, катехизируя детей под видом наставления им в мае месяце; что во время рождественских визитов («colenda», по-русски coljada, так называются прекрасные рождественские песни, которые группа верующих поет от дома к дому, они также используются в богослужениях, даже униаты их знают, «православные» начинают вводить их, n. del trad.) опрашивал взрослых, выясняя их / религиозные знания; наконец, что в моих приходах существовали тайные организации (подпольные по-русски, то есть под полом) – группы Живого¹⁹, терциарии²⁰ – и что среди моей молодежи не было ни одного «комсомольца» (последователя коммунистической-советской молодежи), последний факт имел место до 1929 года.

Меня также обвиняли в том, что все советские польские школы находятся под моим влиянием и что советские учителя, будучи в контакте со мной, получают от меня указание пренебречь атеистической пропагандой в школах, и что я советую молодым полякам бежать в Польшу, потому что в России «они потеряют свои души»; будучи врагом советской власти, я отказался от подписи под известным заявлением священников Каменецкой епархии, рекомендуя это и другим коллегам. Меня обвиняли в частых визитах в Киев (Kiew) к администратору Наскрецкому (Naskrećki)²¹, получении от него «секретных указаний», а также

в том, что я знал о приезде в Россию Е[го] П[реосвященства] д'Эрбиньи (автор всегда пишет архиепископ д'Эрбени)²².

До 1929 года у меня были лошади и кучер. Следователь обнаружил в этом еще одно преступление. Было сказано, что этот кучер уже с 1927 года имел отношения с контрабандистом с моего ведома и что я позволил использовать своих лошадей. Обвинение имело следующий характер: «Священник Федор Прокопович, будучи польским патриотом, воспитывал в этом духе народ, доверенный ему, и прежде всего молодежь, которой он энергично рекомендовал бежать в Польшу; кроме того, его лошади служили известному контрабандисту Забарскому». Основываясь на этих «фактах», вердикт приговорил меня (ст. 54,10) к 8 годам Политизолятора (политического изолятора) в Ярославле. Этот приговор был вынесен мне и 22 другим священникам административным путем, то есть без какого-либо судебного разбирательства, в закрытом тюремном вагоне на станции Киев, 26 мая 1930 года.

29 мая нас перевезли в Ярославль на Волге, где я пробыл до 14 июля 1932 года, а затем до 13 сентября 1932 года²³, до дня обмена.

/ Что касается деятельности Е[го] П[реосвященства] монс. д'Эрбиньи на территории Советской России, я хочу рассказать подробности, которые я узнал в политическом изоляторе Ярославля; я получил их от студента, украинца 23 лет, дни которого были сочтены, потому что туберкулез легких и язва желудка, от которых он страдал, быстро и неумолимо прогрессировали. Кровотечение продолжалось...; юноша проявил большую склонность к католицизму, – он рассказывал мне, что наибольшую радость ему доставляли речи о католицизме из уст Абрикосовой²⁴, обращенной русской, я тоже их слышал. Этот студент в свое время находился в заключении вместе с митрополитом Живой Церкви в Крыму, в Симферополе, которого лично посетил Е[го] П[реосвященство] монс. д'Эрбиньи. Об этом случае митрополит рассказал своему сокамернику так: «Посмотрите, как хитры католики, они хотят, чтобы мы присоединились к Католической Церкви, к Папе; чтобы рассказать мне об этом, ко мне пришел француз из Рима, он также дал мне литературу и обещал золотые горы, если я перейду в католицизм. Как только он вышел от меня, я дал знать обо всем тем, кому положено».

Что касается религиозных отношений в России, то они превосходно характеризуются словами следователя Прыгова: «Коммунизм и католицизм несовместимы. С православием мы сделали то, что хотели, но борьба с католицизмом сложнее, остались только административные средства».

Православие в России скомпрометировано, в то же время католицизм и авторитет Святого Отца растут день ото дня²⁵; в моих приходах у меня было много обращений, – учитывая все, я думаю, что большевизм готовит плодородную почву для католицизма. Когда большевистская власть падет в России, – в настоящее время об этом думать не приходится, но *opus Deum omne possibile est*^d (текст автора), – тогда обращение коммуниста и комсомольца будет в тысячу раз легче, чем обращение фанатика старого православия. Идея обращения России велика, и уже сейчас необходимо подготовить / сотни миссионеров, чтобы в благоприятное время они могли начать борьбу за завоевание русских душ, прежде чем попы Запада²⁶ не развратят их снова, настроив их враждебно против католицизма.

Я не экономист, но могу повторить мнение экономиста, еврея, который, окончив учебу в Лозанне, занимал высокий пост в Москве, но потом за причинение ущерба (вредительство) попал на десять лет Ярославль. Он говорил: «Надо отдать должное России и признать, что она сумела построить “гиганты”, но эти гиганты – ничто перед потребностями населения, – они залатывают дыру с большим ущербом для других частей, образуя порочный круг, – это доказывает внешняя политика Коминтерна (международного коммунизма), эта бездонная бочка; поэтому нельзя говорить о благополучии народа в России, по крайней мере в течение многих лет». Русские это хорошо поняли, поэтому две трети из них радикально излечились от коммунизма, моля о войне, которая принесет желанные перемены.

^d Все находится в воле Господа (дословный перевод с лат. яз. – с Богом все возможно).

Что касается наших верных католиков, то они, за исключением небольшого меньшинства, всегда останутся католиками. Вот факты конца 1929 года и начала 1930 года до бури коллективизации. Постоянно церкви были заполнены до отказа, верующие теряли несколько дней, чтобы иметь возможность явиться ко мне: «Падре, ты исповедуешь меня всю мою жизнь, я чувствую, что это моя последняя исповедь», повсюду слышалось: «Мы пришли на Святую Мессу, возможно, последнюю в нашей жизни, потому что они либо заберут тебя, закрыв церковь, либо сошлют нас в далекую Сибирь».

Большевики, желая терроризировать католическое население в моих приходах, начали с арестов синдиков (по-русски – главы общин), и когда они отправили троих в Сибирь, они думали, что никто не посмеет занять их места, но им пришлось уступить, всегда находились новые люди, особенно среди молодежи, которые с полным сознанием / шли на мученичество. Бог знает, сколько было таких «серых» мучеников (по-русски – серые, по-польски *szary*, орт. *szary* – цвет смирения, низкого происхождения). Народ, несмотря на то, что он терроризирован и поработен коммунистическими лозунгами, навсегда останется верен католичеству на свой манер.

Подписано: Теодор Прокопович

Костополь

10 апреля 1933 г.

Комментарии

1. Рижский мирный договор был подписан 18 марта 1921 г. между РСФСР (за себя и по полномочию БССР), УССР – с одной стороны, и Польской Республикой – с другой. Этот договор завершил Советско-польскую войну 1919–1921 гг.
2. Игнаций Дуб-Дубовский, 16 октября 1916 г. назначен Папой Бенедиктом XV на должность Луцко-Житомирского епископа и апостольского администратора Каменецкой епархии. 28 января 1917 г. в храме Св. Екатерины в Петрограде хиротонисан в епископа. 8 июня 1920 г. с польскими войсками покинул Житомир; в 1925 г. по приглашению папы Пия XI приехал в Рим, получил там звание архиепископа и стал советником папской комиссии «Pro Russia» (<https://cathol.memo.ru/KNIGA/Db#s.12>).
3. Имеется в виду кампания по изъятию церковных ценностей.
4. Фирма Фраже (Fraget) была основана в 1924 г. братьями Фраже в Варшаве и активно развивалась вплоть до Первой мировой войны. Во время немецкой оккупации Польши в годы Второй мировой войны временно прекратила работу, но восстановилась после войны и стала государственным предприятием. В 1965 г. объединилась с компанией Братев Геннеберг и получила новое название.
5. Феликс из Канталье (1513–1587), святой Римско-католической церкви. Обладал даром предвидения и чудотворения. Литургическая память ему отмечается 18 мая. По распоряжению папы Климента XI посещающие церковь св. Феликса в Риме в день его памяти получают индульгенцию. Судя по сведениям Прокоповича, этим правом, по-видимому, обладали и некоторые другие церкви, посвященные св. Феликсу.
6. Воровский Вацлав Вацлавович (польск. *Wacław Worowski*, 1871–1923) – российский революционер. Один из первых советских дипломатов, полпред в Италии в 1921–1923 гг. Одновременно выполнял поручения советского правительства по контактам с Ватиканом. Убит бывшим белогвардейским офицером, швейцарским гражданином М. Конради.
7. Возможно, имеется в виду Дионисий Ткачук, в 1926–1931 гг. протоконсультор и визитатор Галицкой провинции Василианского ордена.
8. Собанский Серафим (1972–?), с 1922 г. администратор приходов в Смеле, Звенигородке и с. Златополь, позднее – в пос. Чуднов Любарского деканата.
9. См. объяснение в предисловии.
10. Хмельницкий Зигмунт (Сигизмунд), с 1920 г. канцлер курии Луцко-Житомирской, потом Луцкой епархии. С 1924 г. администратор прихода в с. Белавка Бердичевского деканата. В июне 1926 г. был арестован в Бердичеве. 31 августа 1928 г. выехал в Польшу по обмену. В 1943 г. был арестован гестапо. Вывезен в концлагерь Гросс-Розен, где 16 или 17 апреля 1944 скончался после избиений.
11. Скальский Теофил (1877–1958). 11 мая 1920 г. был назначен генеральным викарием той части Луцко-Житомирской епархии, которая осталась на советской территории. 31 марта 1926 г. еп. Мишелем Д'Эрбиньи был назначен апостольским администратором Житомирской епархии. 9 июня 1926 г. арестован, но успел до ареста назначить двух генеральных викариев: о. Казимира Наскренцкого и о. Станислава Яхневича. Обвинялся в шпионаже, в помощи польской молодежи из Левобережной Украины в выезде в Польшу, в связях с польскими дипломатическими представительствами и епископами, поддержке польских учителей в борьбе с коммунизмом, принадлежности к нелегальной организации «Белый Орел». 15 сентября 1932 г. был осво-

божден из тюрьмы и выехал по обмену в Польшу. С 1933 г. стал настоятелем Луцкого кафедрального собора. В 1939 г. переехал в немецкую зону, был интернирован немцами, но благодаря усилиям Краковского митрополита освобожден и отправлен в Краков. Написал ценные воспоминания о судьбе Католической церкви на Украине: *Skalski Teofil, Wolczanski Jozef. Terror i cierpienie*. Krakow, 2008.

12. Савицкий Болеслав Викентьевич, с 1920 г. служил на Украине, с 1928 г. в Бердичеве, где 20 августа 1928 г. был арестован. 15 сентября 1932 г. освобожден из тюрьмы и выехал по обмену в Польшу.

13. Бенецкий Иосиф Викентьевич. С 1922 г. настоятель храма св. Анны в Полонном Шепетовского района Каменец-Подольской области. 3 февраля 1930 г. арестован по групповому делу католического духовенства Украины («Дело ксендзов»). 5 декабря 1937 г. расстрелян в Кемеровской тюрьме.

14. Трачинский Антоний, с 1920 г. администратор и законоучитель в приходе с. Лисянка Звенигородского деканата, с 1923 г. в пос. Барановка и временно в с. Мирополь Новгород-Волынского деканата. 7 мая 1928 г. арестован и приговорен к 6 годам ссылки. В марте 1934 г. освобожден из тюрьмы с ограничением проживания в шести крупнейших городах и пограничных областях, включая и территорию Украины. 21 августа 1937 г. арестован, 9 ноября 1937 г. расстрелян в Воронежской тюрьме.

15. Установить личность не удалось.

16. Установить личность не удалось.

17. Возможно, это был Григорий Градов, настоящее имя – Никитинский Григорий Яковлевич (1892–1959), драматург, автор работ «По евангелию» (М., 1932; 1936) и «Антирелигиозный сборник» (М., 1936). Однако установить доподлинно его возможное участие в подобном допросе не удалось.

18. Установить личность не удалось.

19. Живой Розарий – католическое движение, основанное в Лионе (Франция) досточтимой Паулиной Марией Жарико, 8 декабря 1862 г. она стала организовывать особые молитвенные группы, состоящие из 15 человек по числу так называемых тайн святого Розария (каждая тайна соответствует определенному событию из жизни Иисуса Христа). Группы «Живого Розария» распространились по всей Европе

20. Терциарии – члены существующих при некоторых католических монашеских орденах так называемых Третьих орденов. Третьи ордена (первой считается мужская ветвь ордена, второй – женская) предназначены для людей, желающих принять на себя обеты и жить в соответствии с духовностью данного ордена, но не покидать мир.

21. Наскренцкий (Наскренский) Казимир Эдмундович (1978–1950). В 1920 г. стал киевским деканом. Апостольский администратор о. Теофил Скальский успел до своего ареста назначить его своим генеральным викарием. 2 июня 1926 г. назначен апостольским администратором Житомирской епархии, возглавил также нелегальную духовную семинарию на квартире о. Теофила Скальского в Киеве. Под давлением ГПУ, а также группы священников, специально для этой цели освобожденных из тюрем, вместе с администратором Каменецкой епархии о. Яном Свицерским вынужден был 19 октября 1927 г. написать приветственную декларацию по случаю 10-летнего юбилея Октябрьской революции. 24 июля 1929 г. был арестован в Полонном и привлечен к следствию по групповому делу католического духовенства («дело ксендзов»). 15 сентября 1932 г. выехал по обмену в Польшу.

22. Д'Эрбиньи Мишель (франц. d'Herbigny Michel, 1880–1957) – ректор Папского Восточного института, созданного в 1922 г., советник конгрегации Восточных церквей в Риме, президент Папской комиссии «Про Руссия» в 1930–1933 гг.

23. Здесь очевидный пропуск, поскольку последние два месяца Прокопович, как и другие священники, включенные в список для обмена, провел в Бутырской тюрьме.

24. Абрикосова Анна Ивановна (1881–1936) – основала в Москве женскую общину Третьего Доминиканского ордена; сестры, входившие в ее состав, занимались учебной, переводческой и катехизаторской деятельностью, благотворительностью. Придерживалась византийского обряда. В ноябре 1924 г. была арестована. В 1932 г. освобождена по просьбе Польского Красного Креста. В 1933 г. была вновь арестована. Скончалась в тюрьме.

25. О росте авторитета Папы Римского в СССР см., например: *Беглов А.Л.* Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 91. С. 135–152; *Беглов А.Л., Белякова Н.А.* Пишите хоть Папе Римскому // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 169–199.

26. Имеются в виду священники Русской православной церкви за границей, провозгласившей Московскую патриархию несвободной в своих решениях после того, как местоблюститель митрополит Сергей (Старгородский) выразил лояльность советскому режиму, и в этой связи находящейся в расколе с православной церковью в СССР с 1927 г.

Литература

Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский хронограф, 1997–1998. Кн. 1. 600 с.; Кн. 2. 648 с.

Беглов А.Л. «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 19.05.2018).

Беглов А.Л., Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 91. С. 135–152.

Беглов А.Л., Белякова Н.А. Пишите хоть Папе Римскому // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 169–199.

Беглов А.Л., Токарева Е.С. Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002218-8-1> (дата обращения: 19.05.2018).

Беглов А.Л., Токарева Е.С. Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 120. С. 163–179.

Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М.: Русский путь, 2000. 616 с.

Грабовец Э. Святой Престол и немецкие католические священники в Советском Союзе (1922–1938): назначения, контакты и каналы связи в международном контексте // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002207-6-1> (дата обращения: 19.05.2018).

Дзвонковский Р. Римско-католическая церковь в СССР в 1917–1939 гг.: исторический очерк. Люблин: [б. и.], 1997. 240 с.

Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР / авт.-сост. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М.: Серебряные нити, 2000. LXIII, 766 с.

Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической церкви в России. СПб.: Белый камень, 2014. 740 с.

Кудрявцев С. История католической церкви в России в XX веке. Иркутск: [б.и.], 2004. 26 с.

Курляндский И.А. Наш ответ Римскому Папе. Как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью» митрополита Сергия и его Синода [Электронный ресурс] // Политический журнал. 2008. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=27679> (дата обращения: 19.10.2021).

Лиценбергер О.А. Римско-Католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.

Могилевская Римско-Католическая Архиепархия: свидетельства живой памяти. 1783–1939: междунар. конф. в Санкт-Петербурге, 6–9.12.2018: докл. и архивные мат-лы / ред. Христофор Пожарский. СПб.: Приход св. Станислава в Санкт-Петербурге, 2019. 343, [1] с.

Петров С.Г. Документы Политбюро ЦК РКП(б) о процессе по делу католического польского духовенства в Белоруссии (1922 г.) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 462–471.

Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 631 с.

Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. М.: Весь Мир, 2023. 784 с.

Токарева Е.С. Процесс католического духовенства 1923 г. в видении советских ведомств: Политбюро, Наркомюст, Наркоминдел и прочие // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 11 (133). URL: <https://history-jes.ru/s207987840028995-3-1/> (дата обращения: 19.05.2018).

Чаплицкий Б. История Церкви в России. СПб.: Изд-во Высшей Духовной Семинарии «Мария – Царица Апостолов», 2000. 58 с.

Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шукер А.К. Римско-католическая церковь на северо-западе России в 1917–1945 гг. СПб.: Нестор, 1998. 315 с.

Morozzo della Rocca R. Le Nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede. Bologna: Il Mulino, 1992. 356 p.

Pettinaroli L. La politique russe du Saint-Siege (1905–1939). Rome, l'École française de Rome, 2015. 937 p.

Riccardi A. Il Vaticano e Mosca. Bari: Laterza, 1993. 406 p.

Simon C. Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia. Rome: Pontificio Istituto Orientale, 2009. 903 p.

Stehle H. Die Ostpolitik des Vatikans 1917–1975. München; Zürich: Piper&Co, 1975. 487 S.

References

Beglov, A.L. (2018). “Krestovyy pokhod molitv” 1930 g. i reaktsiya na nego v SSSR [“The Prayer Crusade” of 1930 and the Reaction to It in the USSR]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. Vol. 9, Iss. 4 (68). Available at: URL: <http://history-jes.ru/s207987840002219-9-1> (date of access 19.05.2018).

Beglov, A.L. (2019.). Mol'by o pomoshchi. Pis'ma pravoslavnykh veruyushchikh Pape Rimskomu 1931 g.: novye dokumenty iz arkhivov Vatikana [Pleas for Help. Letters from Orthodox Believers to the Pope in 1931: New Documents from the Vatican Archives]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. No. 91, pp. 135–152.

Beglov, A.L., Belyakova, N.A. (2021). Pishite khot' Pape Rimskomu [Write at Least to the Pope]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 4, pp. 169–199.

Beglov, A.L., Tokareva, E.S. (2018). Sudebnyy protsess nad katolicheskimi dukhovenstvami 1923 g. v osveshchenii poslantsa Vatikana v Rossii [The Trial of the Catholic Clergy in 1923 as covered by the Vatican Envoy to Russia]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. Vol. 9, Iss. 4 (68). Available at: URL: <http://history-jes.ru/s207987840002218-8-1> (date of access 19.05.2018).

Beglov, A.L., Tokareva, E.S. (2024). Chto dumali v Vatikane o religioznom vrozhdении na okkupirovannoy territorii SSSR v 1942 g. [What did the Vatican Think about the Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR in 1942]. In *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. Iss. 120, pp. 163–179.

Chaplitskiy, B. (2000). *Istoriya Tserkvi v Rossii* [History of the Church in Russia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Vysshey Dukhovnoy Seminarii “Mariya – Tsaritsa Apostolov”. 58 p.

Chaplitskiy, I. Osipova, B. (Eds.). (2000). *Kniga pamyati. Martirolog Katolicheskoy Tserkvi v SSSR* [Book of Memory. Martyrology of the Catholic Church in the USSR.]. Moscow, Serebryanye niti. LXIII, 766 p.

Dzvonkovskiy, R. (1997). *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v SSSR v 1917–1939 gg.: istoricheskiy ocherk* [The Roman Catholic Church in the USSR in 1917–1939: A Historical Essay]. Lyublin. 240 p.

Grabovets, E. (2018). Svyatoy Prestol i nemetskie katolicheskie svyashchenniki v Sovetskom Soyuze (1922–1938): naznacheniya, kontakty i kanaly svyazi v mezhdunarodnom kontekste [The Holy See and German Catholic Priests in the Soviet Union (1922–1938): Appointments, Contacts, and Communication Channels in the International Context]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. Vol. 9, Iss. 4 (68). Available at: URL: <http://history-jes.ru/s207987840002207-6-1> (date of access 19.05.2018).

Khristofor Pozharskiy (Ed.). (2019). *Mogilevskaya Rimsko-Katolicheskaya Arkhiyeparkhiya: svidetel'stva zhivoy pamyati. 1783–1939: mezhdunarodnaya konferentsiya v Sankt-Peterburge, 6–9.12.2018: doklady i arkhivnye materialy* [Mogilev Roman Catholic Archdiocese: Evidence of living Memory. 1783–1939: International Conference in St. Petersburg, 6–9.12.2018: Reports and Archival Materials]. St. Petersburg, Prikhod sv. Stanislava v Sankt-Peterburge. 343, [1] p.

Kozlov-Strutinskiy, S., Parfent'ev, P. (2014). *Istoriya Katolicheskoy tserkvi v Rossii* [History of the Catholic Church in Russia]. St. Petersburg, Belyy kamen'. 740 p.

Kudryavtsev, S. (2004). *Istoriya katolicheskoy tserkvi v Rossii v XX veke* [History of the Catholic Church in Russia in the 20th Century]. Irkutsk. 26 p.

Kurlyandskiy, I.A. (2008). Nash otvet Rimskomu Pape. Kak tt. Stalin, Yaroslavskiy i Molotov v 1930 godu pisali “interv'yu” mitropolita Sergiya i ego Sinoda [How Comrades Stalin, Yaroslavsky and Molotov Wrote an “Interview” with Metropolitan Sergius and His Synod in 1930]. In *Politicheskii zhurnal*. Available at: URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=27679> (date of access 19.10.2021).

Litsenberger, O.A. (2001). *Rimsko-Katolicheskaya Tserkov' v Rossii. Istoriya i pravovoe polozhenie* [Roman Catholic Church in Russia. History and legal status]. Saratov, Povolzhskaya Akademiya gosudarstvennoy sluzhby. 384 p.

Morozzo della Rocca, R. (1992). *Le Nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede*. Bologna, Il Mulino. 356 p.

Petrov, S.G. (2013). Dokumenty Politbyuro TSK RKP(b) o protsesse po delu katolicheskogo pol'skogo dukhovenstva v Belorussii (1922 g.) [Documents of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) on the Trial of the Catholic Polish Clergy in Belarus (1922)]. In *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turnyy dialog: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Novosibirsk, 23–24 aprelya 2013 g.)*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 462–471.

Pettinaroli, L. (2015). *La politique russe du Saint-Siege (1905–1939)*. Rome, l'École française de Rome. 937 p.

Pokrovskiy, N.N., Petrov, S.G. (Eds.). (1997). *Arkhivy Kremlya: Politbyuro i Tserkov'. 1922–1925 gg.: v 2 knigakh* [Kremlin Archives: The Politburo and the Church. 1922–1925: In 2 Books]. Moscow, Novosibirsk, ROSSPEN, Sibirskiy khronograf. Book 1. 600 p.; Book 2. 648 p.

Riccardi, A. (1993). *Il Vaticano e Mosca*. Bari, Laterza. 406 p.

Shkarovskiy, M.V., Cherepenina, N.Yu., Shiker, A.K. (1998). *Rimsko-katolicheskaya tserkov' na severo-zapade Rossii v 1917–1945 gg.* [The Roman Catholic Church in the North-West of Russia in 1917–1945]. St. Petersburg, Nestor. 315 p.

Simon, C. (2009). *Pro Russia. The Russicum and Catholic Work for Russia*. Rome, Pontificio Istituto Orientale. 903 p.

Stehle, H. (1975). *Die Ostpolitik des Vatikans 1917–1975*. München, Zürich, Piper&Co. 487 S.

Tamborra, A. (2007). *Katolicheskaya tserkov' i russkoe pravoslavie. Dva veka protivostoyaniya i dialoga* [The Catholic Church and Russian Orthodoxy. Two Centuries of Confrontation and Dialogue]. Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey. 631 p.

Tokareva, E.S. (2023). Protsess katolicheskogo dukhovenstva 1923 g. v videnii sovetskikh vedomstv: Politbyuro, Narkomyust, Narkomindel i prochie [The Trial of the Catholic Clergy of 1923 in the Vision of Soviet Departments: Politburo, People's Commissariat of Justice, People's Commissariat of Foreign Affairs and Others]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. Vol. 14, Iss. 11 (133). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840028995-3-1> (date of access 19.05.2018).

Tokareva, E.S. (2023). *Vatikan v fokuse sovetskoy politiki i propagandy* [Vatican in the Focus of Soviet Policy and Propaganda]. Moscow, Ves' Mir. 784 p.

Venger, A. (2000). *Rim i Moskva. 1900–1950* [Rome and Moscow. 1900–1950]. Moscow, Russkiy put'. 616 p.